

Д. БЫСТРОЛЕТОВ

Рисунки автора

ЛЕСА КОНГО

О ЧЕРК ВТОРОЙ

ТРУДНО описать африканский экваториальный лес — гилею, да еще так, чтобы его величелие и величие стали наглядными! Коротко определить впечатление, которое человек испытывает, войдя в глубь гилеи, нелегко, и еще труднее — передать то, которое остается у него после выхода из этой зеленой тюрьмы. Эти впечатления так сильны, многообразны и противоречивы, что возникающие чувства можно только перечислять. Легче всего это сделать в том порядке, в каком они возникают — восхищение, удивление, утомление, раздражение, ненависть. Длинный ряд чувств от пылкого восторга в начале до тяжелой злобы в конце. Но ни одной минуты равнодушия.

Если цифры могут говорить, то вот они.

Климат средней полосы Европы умеренный, а среднегодовая температура лесов Конго $+35^{\circ}$. Там стоит вечное жаркое и дождливое лето: среднее количество осадков в пять раз выше, чем в средней полосе Европы. Лес в Конго безлюдный, грандиозный, обильно орошаемый теплыми дождями и бурный, растущий, как в сильно натопленной оранжерее. На одном гектаре лесной площади в средней полосе Европы размещаются в среднем 300 крупных деревьев и до 100 кустов, а в Конго — 700 крупных, тысяча или две мелких деревьев и много тысяч кустов и кустиков.

У нас растет 35 видов деревьев, достигая роста 30 метров. Европейский лес характерен своей однородностью; он бывает хвойным или лиственным. Попадаются леса, сплошь состоящие из одного вида деревьев — березовые, сосновые, буковые, еловые. В Конго насчитывается около трех тысяч разных пород, причем самые высокие деревья достигают 75 метров высоты.

Продолжение. Начало см. «Азия и Африка сегодня» № 3 за 1963 год

УДИВИТЕЛЬНАЯ МНОГОЭТАЖНОСТЬ

Конголезский лес поразительно разнороден и практически, стоя у одного дерева, никогда не удастся заметить вокруг второе дерево той же породы. Отсюда невероятная плотность и безумная роскошь экваториального леса. Чтобы найти место в такой тесноте, растениям пришлось перейти от обычного расселения по горизонтали к непривычному для нас принципу — расселению по вертикали. Экваториальный лес имеет до пяти ярусов. Это удивительное многоэтажное здание с мертвецкой в подвале и танцевальным залом на крыше. Каждый этаж имеет свою флору и фауну, потому что в каждом этаже свои особые условия.

Пятый этаж создан верхней частью стволов и кронами деревьев-великанов ростом в 50—70 метров, или, иначе говоря, высотой с наш 10—15-этажный дом. Они отстоят друг от друга метров на 100 и больше. С самолета верхний ярус гилеи кажется редким невысоким лесом, растущим на густой траве. Зонтикообразные кроны невелики, листья их кожистые и жесткие (иначе они были бы сбиты первым же ливнем, а ливень повторяется раза два в день). Они стоят как сложенные лодочкой ладошки: испарение здесь значительно, и великаны всегда жадуют, их листья жадно ловят влагу.

Стволы прямые, с гладкой серой корой. Если бы не лианы, поднимающиеся от основания яруса и опускающиеся туда же, то все издали и сверху выглядело бы как наш редкий сосновый лес, но сходству мешают пышные гирлянды цветов на самих деревьях и на лианах и, главное, пестрая окраска листьев: экваториальный лес постоянно в цвету и в плодах и постоянно меняет листву.

Каждый отдельный лист живет два-три года, но на дереве здесь одни листья в почках, другие — в разных стадиях расцвета, третьи — в разных стадиях увядания. Тут вечная весна и осень, и лес всегда многоцветен и богат. Это не скромная красота на-

ших лесов: в такой тесноте все умеренное и деликатное затеряется, не пробьет себе дорогу к свету и не привлечет внимания насекомых-опылителей. Здесь если цветок — так с кулак величиной, если соцветие — то в рост человека, если окраска — то дикокричащая, если аромат — то тяжелый, резкий, пряный, приторный, одуряющий. Здесь благоухает все: цветы, листья, даже кора. Зрение подавлено грубой пестротой красок, обоняние — грубой смесью сильнейших ароматов, слух — необыкновенным птичьим концертом.

Верхний этаж — это жилище мелких птиц, которым не страшны пернатые хищники. Они окрашены природой под прелестнейшие цветы. Куда ни глянь, они стайками носятся меж стволов и лиан, как живые яркие букеты, но только на диво певучие и шустрые. Наконец, огромные, невероятно цветистые бабочки порхают не единицами, как у нас, а удивительными звездными скоплениями: меж стволов плывут и крутятся длинные изумрудные и рубиновые облака.

Но опустимся ниже, в четвертый этаж. Он тоже кажется невысоким лесом, где основанием служат кроны деревьев третьего яруса, только здесь много больше стволов лиан — своих и «чужих», то есть тех, которые проходят этот этаж насквозь и уходят через листву вверх. Помимо больших птиц, в этом этаже обезьяны такие же главные жители, как пестрые голосистые пичужки — в самом верхнем. Где-то высоко, над пятым этажом, дунет ветер, а здесь в четвертом, поползут в зеленом полумраке золотые снопы солнечного света и выхватят из тени то летящую по воздуху маму с детенышем на спине, то висящего на хвосте папу с крупными плодами в руках, то детишек, которые, как наши ласточки на телеграфном проводе, уселись на длинной ветви и деловито ищут насекомых друг у друга. Потом вдруг крик, смятение, бегство — и солнечный луч обнаруживает пятнистую спину крадущегося хищника.

Гладкие ровные стволы деревьев-великанов проходят из зелени «пола» в зелень «потолка» как серые гранитные колонны, но они теперь прикрыты корявыми стволами других деревьев, достигающих только высоты четвертого яруса. Эти стволы извилисты и богаты ветвями, буквально из каждой неровности торчат бесчисленные пучки сочной зелени. Эпифиты и паразиты пробрались сюда и прочно закрепились тут, как передовой отряд той лохматой зеленой армии, основные силы которой вы увидите ниже. Лиан, которые достигают 200 метров длины и взбираются на самые высокие деревья и оттуда спускаются опять до земли, здесь гораздо больше. Они мостами перекинулись с дерева на дерево, кружевами и кольцами выются по ветвям, пучками, качелями, узлами и спиралями повисли в воздухе, осыпанные цветами и птичьими гнездами, около которых хлопочут пестрые попугаи, сами похожие на цветы. Вокруг так много пышной зелени, что цветов как будто стало меньше. Глаз уже начинает замечать тесноту и большое количество вертикальных линий, которые все исходят из зелени пола.

Пол — кроны деревьев третьего этажа. Спускаемся туда. Здесь еще темнее. Зеленая прозрачная тень стала зелено-серым сумраком, снопы света превратились в одиночные лучи, которые золотыми стрелами проткнули неясные контуры леса, на этом уровне создающего впечатление тесной и серой коробки. Воздух недвижим, сперт, жарок. Это мерзкое соединение парфюмерного магазина, паровой бани и клозета: теперь к аромату, каскадами льющемуся

сверху, подмешивается жаркое зловоние, поднимающееся откуда-то снизу. На каждом листке повисла капля испарины, и сами листья изменились: они не протянулись лодочкой-ладошкой в погоне за дождевой водой, а стоят ребром или торчком, потому что тут влаги более чем достаточно и каждая лишняя капля — нагрузка. На стволах и ветках — зеленый мох. Теперь кругом видна только зелень и зелень. Тихо. Сверху слабо доносится шаловливый концерт мелких пичужек и более явственно солидное крикание больших птиц и вопли обезьян, но, прислушавшись, вы вдруг замечаете новые голоса. Это стрекотание насекомых.

Третий этаж. Густой сумрак. Неподвижные вертикальные полосы серо-зеленого света, неясные пятна черно-зеленой тьмы. Вокруг только стволы деревьев и лиан, бесчисленные темные полосы, натянутые, как струны, и легко повисшие, змеевидные и ломаные, одиночные и завязанные в пучки. Это растительность в отчаянном порыве тянется к свету! Всюду серо-зеленый мох, клочьями повисший из каждого изгиба стволов, и лианы кажутся седыми и лохматыми. Вдруг глаз замечает нечто новое — серую мутную дымку испарины... Невероятная, удушающая жара, мокрая слизь вокруг. Нос щекочет тлетворный запах разложения: где-то совсем близко гниют трупы животных и птиц, остатки древесины и листьев. Тихо. Набежит волна оглушительного скрежета, скрипа и треска, потом насекомые стихнут, и опять воцаряется глухое и давящее безмолвие. Стукнет дятел, что-то грузно плюхнется в полутьме. Что? Ничего не видно. Бесшумно по ветви над вашей головой ползет длинная змея... Вот насекомые стихли и слышится ровный шорох: мириады горячих капель стекают вниз, в темноту. Экваториальные дебри молча потеют и роняют свой ядовитый пот на пышные и нежные ветви высоких папоротников и плаунов.

Спускаемся ниже.

Теперь мы на дне 70-метровой толщи леса. Поднимите голову. Эти зеленые, серые и черные пятна сверху — пять крыш над вами, и хотя каждая из них неплотна, но все вместе они почти полностью задерживают свет. Вам оставлена 120-я часть дневного освещения. Затем посмотрите вниз, да не шевелитесь, будьте осторожны: под вашими ногами метровый слой опавших листьев и цветов — сверху свежих, а ниже — старых, разлагающихся. Не верьте в прочность этого горячего мокрого матраса: он прикрывает и камни, и липкую грязь, и глубокие ямы, наполненные черной горячей вонючей водой, в которой нежатся крокодилы, змеи и пиявки, поджидающие вас с голодным нетерпением. Их много здесь, этих ям, образованных при падении деревьев, когда огромные корневища сразу выдерживаются из влажной земли, а стоячая вода немедленно заполняет впадину. Вокруг густая чаща стволов, лиан и воздушных корней толщиной с человеческую ногу, которые десятками свешиваются с раскидистых ветвей и служат подпорками для огромного дерева, растущего на зыбкой почве пото-пото¹.

Но что это? Слышите протяжный грохот? Это задущенный беспощадными лианами отстоял свой век и повалился наземь лесной колосс, ломая на пути десяток деревьев нижних ярусов, сбивая сотни ветвей и обрывая множество лиан. Вот он лежит в липкой грязи, покрытый обрывками и обломками, украшенный пышной зеленью и яркими цветами. И сразу начинается работа по уничтожению. Вы слышите

¹ Пото-пото (банту) — болотце в экваториальном лесу.

Мощный процесс уничтожения здесь поражает не менее, чем бурный рост, и в мрачных катакомбах зеленого ада можно было бы с полным основанием философски порассуждать о круговращении жизни, если бы не нужно было сжимать в руках скорострельную винтовку.

* * *

ГУСЬКОМ ЧЕРЕЗ ДЕБРИ

Завтракают молча. Утро здесь недолгое: едва рассвело, как где-то за деревьями уже выглянуло солнце. Но поляна еще долго тонет в серой дымке,

A black and white woodcut illustration of a jungle scene. In the center, a man with a beard and a loincloth is crouching, looking down at a small object on the ground. To his right, another man is partially visible, also crouching. In the foreground, a large snake is coiled on the ground. The background is filled with dense foliage and trees.

Ну, все. Груз перераспределяется по весу, тюки увязываются. Свисток капрала. Выстроившись в ряд, носильщики взваливают поклажу на голову. Ван Эгмонт дает направление, и караван трогается гуськом. Сегодня с винтовкой в руках художник сам открывает шествие, замыкает капрал с охотничьим ружьем наготове. Минут двадцать караван бодро идет по тропинке среди благоухающих кустов. Пройдено два километра. Попутно спугнули ленивых птиц, похожих на индюшек, и капрал подстрелил трех. Обед обещен, но тропинка сворачивает вправо, очевидно, к ручью: из-за лужа ярких цветов слышится бульканье воды. Идти нужно на восток, и экспедиция бросает тропинку и движется напрямик. Теперь скорость хода снижается вдвое. Колючие ветви хлещут по голым телам и по лицу, кто-то роняет тюк, здесь и там вспыхивает ругань. Они идут, как видно, по сырой лошине, справа и слева висит лес. Но через час показывается впереди первое дерево, потом сразу десять, потом сто. Узкая прогалина кончилась. Люди входят в зеленый полумрак, пронизанный снопами солнечного света и полчаса пробиваются под веселый марш, который им распевают птичий хор. Лес незаметно темнеет, вот уже видны только отдельные золотые лучи.

Препятствие. Ван Эгмонт дает свисток. Носиль-
щики сбрасывают тюки и переводят дух. Впереди

лежит огромный ствол, запутавшийся в невообразимом количестве лиан. Начинается!

Художник карабкается вверх и, держась за лианы, смотрит то на компас, то вперед, в зеленую темень. Впереди ничего хорошего, только лианы и пышные листья. Десятиминутный отдых. Потом люди образуют цепочку, и все тюки передаются через ствол с рук на руки. Жарко, все истекает потом. Драгоценное время уходит. Но дальше идти еще труднее: лес становится еще выше, и появляются воздушные корни, которые нельзя ни срубить, ни отодвинуть, ни согнуть. Голландец едва протискивается туда, куда можно протиснуться, и вместе с капралом они кое-как натягивают корни врозь, а в образовавшуюся щель лезут носильщики, держа в руках свои тюки. Все прошло? В сумраке ван Эгмонт пересчитывает людей. Все!

— Вперед! — командует он и рукой указывает направление.

И в то же мгновение ноги соскальзывают с пня, он падает сначала на вонючую горячую грудку гнилья, а потом дальше вбок, пока не погрязает по горло в черной слякоти. Держась за лианы, капрал подает приклад, художник приподнимается на руках, люди со всех сторон захватывают его лианами, и с невероятным усилием он вылезает из смердящей слизи. Воздуха не хватает, пот ручьями бежит по его лицу, груди и спине. Присев на корточки, верный Тумба снимает с хозяина сотню пиявок.

— Еще удачно отделался, — сияясь улыбнуться говорит ван Эгмонт дрожащим голосом. — Вот в такой яме могут быть...

И слова замирают на языке: он повернулся к яме и застыл от ужаса, с протянутой рукой. Через темную дыру, оставшуюся после его тела, переползает гроза и несчастье здешних лесов мамба — змея толщиной в два пальца и невероятной длины. Голландец не может оторваться и все смотрит на черную дыру, а зеленое тело ползет и ползет через нее, слегка извиваясь, все ползет и кажется бесконечным.

ЕЖЕДНЕВНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

— Марш! — командует он несколько менее бодрым голосом. — Пошли дальше!

Но куда идти? Лес вплотную стоит перед ними, они столкнулись грудью с грудью — горстка истекающих потом людей и миллион лиан, плотно перевитых вокруг тысячи стволов. В жаркой тишине слышен только шорох капель да взрывы скрежета и треска насекомых. Ван Эгмонт непрерывно смотрит на компас: потерять направление опасно, это равносильно смерти. И снова работа, тяжелый физический труд, преодолевающий жалкие метры пути.

Невероятная духота. Мрак. Ван Эгмонт смотрит на светящиеся стрелки часов: полдень. А-а, потону и темно. Сейчас начнется гроза и ливень — ежедневное представление в этом театре ужасов.

Художник собирает людей в кучу, тюки укладываются на высоком месте и укрываются прорезиненной простыней. Лес притих, смолкли птицы и насекомые. Тьма. Жара. Безмолвие. Голландец щупает себе пульс — сердце бьется, как у кролика. Все жмется в кучу, подобно испуганному стаду.

Внезапно темень прорезывается полосками ослепительного света, косо и бегающего: листья рванулись, и мертвый фиолетовый свет с неба проник туда, куда обычно не проникает даже живительное золотое сияние солнца. В то же мгновение небо от края и до края лопнуло с таким треском, что все

невольно вобрали головы в плечи. Тяжелые осколки с протяжным грохотом посыпались на землю. Лес загудел, затрясся. Снова взрыв невероятной, сверхъестественной силы, треск лопнувшего неба, грохот сыплющихся осколков и ответный рев леса, вдруг в безумном страхе вставшего на дыбы. Потом в полной тьме обрушивается вода — не дождь, не капли или струи, а сплошной столб воды, с грохотом проламывающий пятиэтажную крышу леса и внезапно наполняющий 70-метровый колодец. Сверху сыплются ветви, обрывки лиан, цветы и листья, мощные потоки воды с бешенством рвутся сквозь провалы в небе и в лесу. Мгновение полной тьмы — потом адский взрыв, освещающий белые блестящие столбы воды среди белых столбов растительности, треск, грохот, тьма — и сейчас же новый взрыв.

Внезапно что-то нестерпимо сверкнуло где-то совсем рядом. Присевши на корточки ван Эгмонт видит фиолетово-белые шары, скользящие в путанице лиан, — видит сквозь пальцы рук, защищающих лицо, и сквозь толстые слои воды, извергающейся сверху. Шары легко и плавно скользят в черной сетке лиан, дробясь в колеблющейся водяной завесе и в диком танце световых точек, появляющихся здесь, в глубине леса, при вспышке молнии где-то там, вверху, в невидимом небе. Потом синий грохот, и хлещущий веер изорванных в клочья лиан, и пошатывание сложенного на корню великана в пять обхватов, и вой, и свист, и слепое метание сотни летающих мышей и собак, и прыганье мертвых фиолетовых зайчиков, и глухой рев леса, его бездонных недр, миллионов больших и малых деревьев, которые крепко-накрепко обхватили друг друга ветвями в пять этажей, перевились с головы до пят миллионами лиан и стоят перед лицом этой фантастической грозы как единое целое, как одно пошатывающееся и режущее миллионголоное животное!

И вдруг всему конец. Без перехода, без предупреждения. Художник раскрывает зажмуренные глаза — ливня нет, ветра нет, тишина. Звонкое журчание. Потом ровная капель. Наконец, гробовая тишина, в которой всем телом ощущается один ровный, странный звук.

Что это?

Это насекомые жуют пададь. Несчетное количество тупых тварей с сильными челюстями уже беспощадно ринулось на уничтожение всего того, что сбито ливнем.

А потом сверху раздаются скрежет и треск насекомых, а еще выше — крики обезьян и радостное птичье пение. Гроза и ливень длились, как всегда, четверть часа. Казалось, что солнце осветит лишь кладбище и леса уже не будет, но вот он стоит, герой и победитель, во всем своем грозном великолелии, во всей своей исполненной силе, и проскользнувший сюда тоненький золотой луч освещает синюю стрекозу, грациозно присевшую на нежную бледную орхидею.

И снова свистки, и падение в грязь, и ручьи потога, и команды капрала, и хрипая ругань, и опять свистки, и так без конца. Какой нечеловеческий труд — и только жалкие километры пути, добытые с боя! Заметно светлеет. Вот и голубое предвечернее небо, по которому лениво ползут розоватые тучи. Пора на привал: ночевать в гуще леса слишком неудобно и опасно — ведь нельзя разжечь огонь, а огонь — надежнейший защитник и спаситель.

Полчаса экспедиция бредет по мелкой воде пото-пото. Воодушевление прошло, усталые люди обмякли и едва передвигают ноги. Ни одного слова, только глухой кашель, вялый крик, чтобы спугнуть небольшого и юркого лесного крокодила, вот та-

кого, который одним взмахом челюстей перекусывает ногу.

Наконец-то кустарник и мелколосье! Все устали так, что готовы повалиться на первом пригорке. Вот он! Ван Эгмонт торопливо раздвигает ветви — и отскакивает прочь: на сухом холмике собрались змеи и греются в лучах заходящего солнца. Их здесь сотни. Они лежат копошащейся грудой; видны зеленые, золотистые, бурые и черные спины, полосатые и узорчатые, матовые и блестящие... Здесь и кобры, и гадюки, и особо опасные змеи этих дебрей — ярко-зеленые тонкие и невероятно длинные и черные, короткие, с тупыми свирепыми головками... Было что-то гипнотизирующее в этом ужасном зрелище, и долгие минуты усталые люди стояли молча, не имея силы оторвать зачарованные глаза. Потом вяло поплелись дальше.

Другой пригорок найден, змеи выгнаны, вещи разложены кольцом, в середине которого устроились люди. Запас хвороста собран, и суп уже булькает

в двух котлах. Вдобавок к птицам капрал застрелил крупную антилопу, и теперь мясо разделено на равные куски — каждый носильщик может сам поджарить себе лакомый кусочек. Люди сидят спиной друг к другу и чавкают молча. Вечер длится всего несколько минут, и сразу наступает черная экваториальная ночь.

Появляются москиты, клещи, пауки, ночные змеи. Люди жмутся к костру. Кусты вокруг кажутся чудесными розовыми кулисами. И вдруг из-за них показываются зеленые светящиеся точки. Это звери. И сразу лес наполняется отвратительным рычанием и криками. Темнота вокруг торжествует и стонет на все голоса, утверждает жизнь и прощается с нею. Люди заворачиваются в одеяла и засыпают. У костра дремлют лишь часовые, и неусыпно бодрствуют тучи москитов.

(Продолжение следует)

ОСТРОВ АРОМАТОВ

(Окончание. Начало см. на стр. 33)

нению в «подрывной деятельности». Однако суд, ознакомившись со статьей в бюллетене, не считал ее особенно опасной, а потому приговорил редактора лишь к денежному штрафу.

Осекшись на своей первой провокационной попытке, колонизаторы не успокоились... Уже через неделю английский резидент объявил, что «раскрыт заговор», целью которого являлся поджог главного почтамта.

«Опасные поджигатели» оказались на редкость опрометчивыми людьми: все горючие материалы они оставили вокруг здания, и среди них, что самое интересное, оказались бутылки с бензином, на которых крупными буквами были выведены надписи: «Произведено на Кубе».

Вооружившись такими «неопровержимыми» доказательствами, английский резидент приказал арестовать Бабу и вместе с ним двенадцать прогрессивных деятелей — руководителей работников ЗНП, молodeжного движения и Федерации профсоюзов. В соответствии с законами чрезвычайного положения власти арестовали еще семнадцать сторонников ЗНП. Двоих впоследствии освободили, а остальные томятся в тюрьме с апреля 1962 года, хотя против них не выдвинуто какого-либо ясного обвинения. Что касается Бабу, то для него колонизаторы припасли особые методы.

Аресты честных людей вызвали волну протестов и негодования. Женская секция ЗНП направила английскому резиденту петицию об освобождении арестованных. Надписи «Да здравствует Бабу!» появились на стенах домов. Многие члены профсоюзов и молодежных организаций, откликнувшись на призыв Федерации профсоюзов, нашили на свои рубашки надпись: «Освободите арестованных!» Флажки с этой надписью появились на велосипедах.

Даже правое крыло ЗНП под давлением общественного мнения было вынуждено поддержать требование об освобождении генерального секретаря партии. Министры Занзибарского правительства в знак протеста осмелились бойкотировать празднование дня рождения английской королевы!

Но даже такая демонстрация единства не убедила колонизаторов в необходимости освободить Бабу. Власти вновь организовали полицейский налет на редакцию бюллетеня «Заннийос». На этот раз полицейским удалось обнаружить в редакционном портфеле черновик статьи о произволе полиции на Занзибаре. Эту статью Бабу написал незадолго до своего ареста. Итак, улика была найдена! И снова против генерального секретаря Занзибарской националистической партии было возбуждено дело по обвинению его в «подстрекательстве».

За стенами здания английского Верховного суда собрались толпы африканцев. Они выкрикивали лозунги: «Освободите Бабу!», «Прекратите чрезвычайное положение!», «Независимость — немедленно!» Власти вызвали наряды специальной полиции «по борьбе против мятежных выступлений», в ход пошли дубинки — и демонстрация была разогнана.

Со времени ареста Бабу колониальная администрация стала применять по отношению к местному населению все более жестокие меры.

16 июня 1962 года Верховный суд признал Бабу виновным в «подстрекательстве» и приговорил его к пятнадцати месяцам тюремного заключения. Это решение суда опротестовано друзьями патриота, но колонизаторам удалось на определенный период заставить замолчать один из самых сильных голосов в борьбе за свободу Занзибара.

Важная роль в этой борьбе принадлежит Федерации прогрессивных профсоюзов Занзибара. Она ведет работу по объединению трудящихся. Федерация организует массовые выступления рабочих, требующих повысить их жизненный уровень, улучшить условия труда. Именно рабочие наиболее настойчиво требуют освобождения Бабу и других арестованных патриотов.